Текст · 9 сентября 2019, 04:59
Анна Козкина,

«Лично мне в совещательную комнату Ольга Егорова не звонила». Бывший судья (и избранный депутат Мосгордумы) Сергей Савостьянов — о себе и о системе, из которой он ушел

По предварительным данным, на вчерашних выборах лидер московских единороссов, действующий вице-спикер Мосгордумы Андрей Метельский проиграл 35-летнему кандидату от КПРФ Сергею Савостьянову — бывшему судье, который ушел в отставку, чтобы заняться политикой. «Медиазона» публикует размышления Савостьянова о российской судебной системе.

Как стать судьей

Я работал в «Российских железных дорогах», работал в частной компании «Тройка Капитал», которая занималась инвестиционной и хозяйственно-экономической деятельностью, я руководил департаментом юридическим. Я занимался всю жизнь хозяйственной юриспруденцией.

Каждый человек проходит этапы профессионального взросления. Я понял, что у меня есть багаж знаний, практического опыта, я знаю, что и как делать в суде. До этого я уже был 12 лет профессиональным представителем по делам. В

очередной раз преисполненный какого-то праведного гнева по какому-то делу, читая «Российскую газету» с объявлением о вакансии на должность судьи, я подумал: «Нет, ну а до каких пор я буду негодовать и слушать стоны своих друзей и знакомых по юридической специальности? А кто из них пошел и сказал: а давайте я стану и буду вести дела по-другому, по-правильному?». Ну, сказано —сделано.

На сайте судебного участка № 415 опубликованы 55 решений судьи Савостьянова. Почти половина рассмотренных им дел связана с кражами. Савостьянов вынес 38 обвинительных приговоров и 17 решений о прекращении дел (почти все за примирением сторон). В большинстве приговоров он назначал подсудимым штрафы от 5 до 25 тысяч рублей, реже — исправительные или обязательные работы либо ограничение свободы. По трем делам судья Савостьянов назначил условные сроки. К реальным срокам он приговорил всего трех человек: один получил год колонии-поселения за кражи, двое других — по 8 и 9 месяцев колонии-поселения за угрозу убийством и также кражу. Во всех трех случаях реальные сроки были обоснованы тем, что обвиняемые ранее уже были судимы.

Я хотел бы призвать профессиональных юристов не побояться — смело подавайте заявление в экзаменационную комиссию на сдачу судейского экзамена. Если вы сдадите его на положительную оценку — я сдал на пятерку — вас обязаны будут рекомендовать на должность судьи.

Пять лет я проработал судьей, из них полтора года мировым судьей судебного участка № 415 района Косино-Ухтомский города Москвы и три с половиной года — федеральным судьей Перовского районного суда. Рассматривал, в основном, гражданские дела в районном суде и административные дела об обжаловании действий и бездействия органов государственной власти. Уголовные дела я рассматривал, только будучи мировым судьей. Мелкие кражи, мелкое мошенничество, побои, драки, легкий вред здоровью, вред здоровью средней тяжести. Около 100–150 дел я рассмотрел, это много.

«У тебя отменили ноль — молодец»

Я был очень удивлен наличию какой-то безумной статистической системы отчетности судов, при которой оказалось важным, чтобы дела не переходили из полугодия в полугодие, из года в год, из квартала в квартал. Я был раздосадован ситуацией, при которой отмененные решения идут в какую-то статистику, которая, оказывается, характеризует тебя как профессионала.

Какие-то дела, отмененные [Мосгорсудом], обсуждаются в районном суде на планерках как анализ практики. Что мы делаем так, что мы делаем не так. Как правило, к совещанию идет подборка того, что нарешал Мосгорсуд. В этом самом по себе нет ничего плохого. Это не какой-то институт давления. Вопрос в том, что такое совещание могло бы быть обсуждением насущных вопросов, а может быть превращено в нотацию, как делать надо, а как делать не надо.

Для меня это было в чем-то неприятно и в чем-то непонятно — почему мы раздаем пряники и кнуты в зависимости просто от статистики и от моего собственного усмотрения. От [статистики] может зависеть распределение квартальных и годовых премий, которые распределяет председатель суда. У тебя отменили ноль — молодец, больше всех получишь. У тебя отменили 20 — ну значит, половину премии получишь. У тебя отменили 40 — вообще ничего не получишь.

> «В выходные дни я всегда отписываю решения, которые как бы, ну более или менее, занимают больше времени, потому что в рабочее время заниматься отпиской невозможно — постоянно кто-то отвлекает <...> Когда я начинала работать, я помню нам заместитель председателя областного суда по гражданским делам говорила, что нормальный рабочий день судьи должен быть 16 часов в сутки. Вот это я запомнила... И практически... Почти так мы и работаем, наверное. 13 часов в сутки — это почти что норма, если субботу приплюсовать, то и получится 16 часов».
> **Из интервью судьи районного суда исследователям Института проблем правоприменения, 2013 год (опубликовано в книге «Российские судьи: социологическое исследование профессии»)**

Загоняя судью в чрезмерную нагрузку и эту систему статотчетности, на него всегда есть возможность надавить. И получается, что человек начинает невольно или вольно подыгрывать этой системе.

Не хочешь, чтобы твоя статистика или премии ухудшились — значит, делай так, чтобы Мосгорсуд не отменял твои решения. Чтобы Мосгорсуд не отменял твои решения — надо их просто выносить в правильном русле или ключе. Если ты отказал что-то взыскивать из бюджета, но не ту статью записал закона — на это как раз, может, и глаза закроют, ну, подправят тебя как-то в апелляционном определении.

Удивил [объем нагрузки], потому что, даже когда ты опытный юрист и видишь это все в залах и кабинетах в виде бесконечных стопок, ты до конца не можешь понять — прошлые это, или будущие, или нынешние дела; какие категории, простые, сложные. Когда ты в это погружаешься, конечно, это просто шок. Чтобы как-то держаться на плаву, ты должен работать и в выходные, и в праздничные дни. Ты должен забыть про все на свете, про личную жизнь, про какое-то развитие духовное и культурное. Я до суда посещал театры и кинотеатры раза три-четыре в месяц, болел как все нормальные люди в году примерно два раза по две недели. За пять лет я не взял ни одного больничного и посетил два раза театр.

2,5 тысячи дел в год вместо 400

Каждый судья в Москве работает в сверхнечеловеческих условиях из-за нагрузки. Почему здесь такая нагрузка, потому что система устарела, и я допускаю, что исполнительная власть заинтересована в сохранении статуса кво.

Согласно исследованию Высшей школы экономики, которое было проведено в 2017 году, только 24% судей укладывались в нормативный рабочий график или превышали его менее чем на 20%. Перерабатывали в два раза и больше — 62%, а пятикратно — 5%.

«Практика общения с судьями в ходе выездных исследований позволяет утверждать, что именно недостаточный объем оплаты труда работников аппарата и, как следствие, высокая текучесть кадров не могут обеспечить необходимый уровень производительности труда и качественную информационную, организационную поддержку судьи при подготовке судебных решений и проведении судебных заседаний», — цитировал исследование ВШЭ сайт «Право.ру».

Авторы исследования рекомендовали увеличить численность судей в 2,1 раза, но признавали, что такая мера невозможна по экономическим причинам.

В 2017 году ВШЭ выиграла открытый конкурс Судебного департамента Верховного суда на исследование и разработку научно обоснованных норм нагрузки судей. Однако Судебный департамент отказался принимать результаты этой работы и расторг договор, не согласившись с методикой исследования.

Чтобы судьи всегда были во всем виноваты, нарушая процессуальные права граждан и организаций, не имея возможности все сделать вовремя и четко. И все они имеют скелеты в шкафу в виде формальных нарушений в своей работе из-за вот этой адской нагрузки.

До развала Советского Союза в Москве было 33 райкома партии. Вот с тех пор у нас в Москве 33 районных суда. С тех пор у нас 125 муниципальных районов стало, в каждом из которых население больше, чем когда-то вот в этих 33-х. А структура судебная осталась та же самая.

До тех пор пока ты всех устраиваешь, к тебе нет вопросов. Граждане и организации могут обписаться на тебя жалобы, но идет простая отписка, что проверка проведена, вопросов к нему нет. А если судья станет неугодным для руководства московской судебной системы, то проведут обычную проверку его работы и выяснится, что он в десятки и в сотни раз нарушает процессуальные сроки, что у него есть какие-то ошибки, описки. А законы написаны сейчас так, что судью можно просто буквально на следующий день выгнать. В основном работают женщины, с детьми, с семьями. Доход среднего судьи московского в районном суде — 150–200 тысяч в месяц. Ну и каждый дальше для себя делает выбор.

[Не нарушать процессуальные сроки] невозможно. Научно обоснованное количество, то, что написано во всех учебниках по праву — судья может рассмотреть в месяц 30–35 дел, в год не больше 400. В Москве я лично рассматривал 2–2,5 тысячи. Но никто почему-то не решает эти вопросы, не разукрупняет

суды, не добирает штаты, не переводит техническую работу на специалистов с хорошим уровнем оплаты. Девочки-помощники получают по 15 тысяч рублей в месяц. Отсюда высокая кадровая текучка, которая разрушает планомерную и грамотную работу судьи.

Силовики и проблема качества

Честно вам скажу, из пары сотен [уголовных] дел, которые я рассмотрел, не было ни одного оправдательного приговора. Там реально не было ни одного невиновного. Просто потому что, видимо, по делам о мелких кражах, мелком мошенничестве — когда человек приходит покупать дорогой гаджет с паспортом, в который вклеена другая фотография — здесь объективно у меня ничего не вызывало глобальных сомнений.

Что касается сложности рассмотрения уголовных дел в плане противостояния суда обвинительному уклону. Я считаю, что здесь у нас очень большие проблемы. [Есть] фактор некоего установившегося положения, при котором силовики — органы полиции, ФСБ и прокуратуры — их мнение имеет высокую значимость для системы назначения судьи на эту должность и на следующие должности, а также их мнение об устранении судьи из судебной системы. Просто с учетом всех проблем судебной системы они настоятельно попросят посмотреть внимательно на его работу. Не забывайте, что ФСБ, МВД при назначении судьи на должность формально в справочке ставят, что у них нет претензий биографического или какого-то оперативного характера. Мы же с вами понимаем,

что инспирировать 20 заявлений нет проблемы в отношении судьи, который рассматривает тысячи дел, потому что недовольные всегда есть.

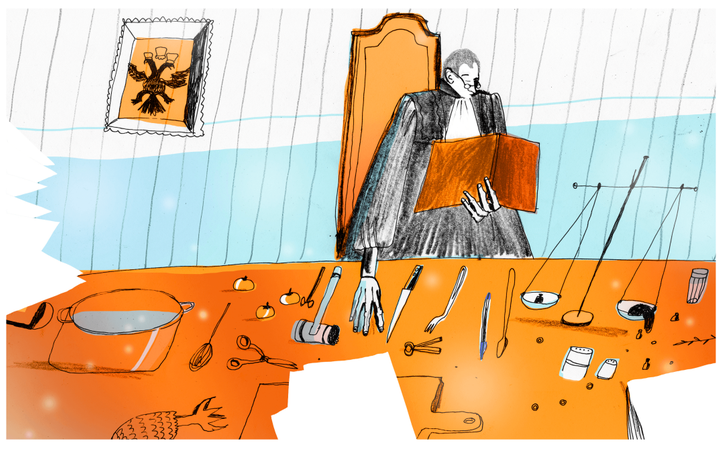

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Понимание, что рано или поздно мнение силовиков в целом должно будет учитываться при определении его профессиональной судьбы, конечно, давит.

У нашей правоохранительной системы есть проблемы. Они (следователи, дознаватели — МЗ), как правило, умеют расследовать дела очень шаблонные. [Но] у нас преступность очень серьезная. В центральные суды очень много поступает многотомных дел, от сложнохозяйственных преступлений и заканчивая какими-то преступными группами. Тут следователей, умеющих работать на высоком профессиональном уровне, очень мало в стране. Они задействованы по самому-самому резонансу, остальное все по остаточному принципу.

Проблема качества — это и проблема суда, и проблема следствия, и проблема правоприменения, но оно отталкивается от подготовки следователя, от отсутствия достаточного количества профессионалов, которые могут объективно доказать вину любого виновного лица. И дальше начинаются полусоглашательские ситуации, когда что-то есть, чего-то нет, здесь кое-как намазали, здесь кое-как пришили. И в итоге имеем то, что имеем. Но, конечно, это никуда не годится, конечно,

я считаю, их надо начать заворачивать. Если бы мы, судьи, взяли бы на себя ответственность и полгода возвращали и оправдывали, нанеся урон бюджету на компенсации небольшой — ну не больше чьей-нибудь яхты — то, может быть, уже и по линии МВД и по линии прокуратуры наступили бы объективное улучшение и какое-то реформирование их работы.

50 тысяч за потерянный бизнес, 80 тысяч за погибшую дочь

У меня было одно дело о компенсации за незаконное уголовное преследование. Мужчина, на которого возбудили уголовное дело по статьям мошенничество и налоги, даже там была коррупция, утверждал, [что] это был способ отнять у него бизнес с госконтрактами. Он добился прекращения дела. Я вынес решение полностью ему возместить расходы на адвокатов, несколько сот тысяч, и компенсацию морального вреда. Я присудил 50 [тысяч], но я уже тогда понимал, что это очень мало, надо было бы наверное 500, чтобы ударить хоть кого-то по ручонкам. Потому что эти деньги, которые будут выплачены, пойдут регрессом к тем сотрудникам правоохранительных органов, которые причастны к возбуждению уголовного дела незаконного.

Я открыл наиболее актуальную судебную практику по аналогичным делам, посмотрел, что по обстоятельствам этого дела он заслуживает средний, но не полный чек, поскольку под стражей его не держали. Дальше мною было выяснено, что в среднем по таким делам даже со стражей 100 тысяч потолок. Поскольку я уже хорошо знал, что взыскивать больше

чревато, я выбрал наиболее оптимальную сумму, чуть-чуть донакинув от себя в пределах того лимита, который мог безболезненно сказаться для этого решения. В настоящее время все на уровне детского сада. Человек фактически утрачивает бизнес, либо обороты бизнеса. И это могут быть сотни миллионов — а мы ему моральный вред 50 тысяч даем и на адвокатов 250.

Если бы я вышел за пределы разумных сумм произошло бы то, что у меня произошло в другом деле. Машинист поезда допустил халатность, не посмотрел в зеркала обозрения, женщина погибла, причем погибла очень специфически. Ее зажало в дверях и потом шваркнуло об столб, по сути ей голову аж снесло. Вина машиниста была доказана, приговор был. Ее мать пришла взыскивать с РЖД. РЖД отвечает за своего работника по всем обязательствам, даже по моральному вреду. Я присудил в такой ситуации 800 тысяч рублей компенсации морального вреда. И по жалобе РЖД при таких обстоятельствах со снесенной головой ей снизили до 80 тысяч.

И вот смотрите. Вот 80 за умершую навсегда дочь; и здесь предприниматель — я ему почти как за смерть дочери дал.

В случае РЖД, я считаю, что это практика заботы о бюджете. В случае с иными ситуациями это традиции нравственных позиций наших судей, причем из старого времени, которые еще дорабатывают, которые эти деньги будто отсыпают из собственного кармана. Хотя молодежь настроена, как я вижу, на то, чтобы повышать этот чек. Потому что они видят, что наличие нормальных здоровых

компенсаций стимулирует больше правопорядка, заставляет всех работать хорошо и это имеет положительное влияние вообще на экономику и на жизнь социально-экономическую.

«Если ты принял решения против государства, здесь к судье много вопросов»

Я думаю, ни для кого не секрет — [есть] некий крен в сторону органа власти. Например, департамент городского имущества, Мосгосстройнадзор. Если взять статистику, они практически не проигрывают дела, а там, где проигрывают, они жалуются до последнего. В этом смысле, конечно, судьи вынужденно относятся к их делам очень настороженно и рассматривают их с точки зрения интересов города, как мне кажется.

Несмотря на то что нет никакого плана и нет никаких конкретных просьб высоких или даже средних чиновников, судья понимает, что за департаментом городского имущества стоит такая городская махина, что если ты начнешь принимать решения против них, то прежде всего тебя заподозрят в коррупции. Потому что кажется всем очевидным, что если ты принимаешь решения в интересах государства, то как тебя можно заподозрить в коррупции? А если ты принял какие-то решения против государства в интересах граждан или организаций, то здесь почему-то к судье возникает много вопросов у руководства.

Больше всего цензор сидит у каждого в голове. Допустим, судьи знают, что если кто-то принял решение против МАДИ — Московской автодорожной инспекции — на очень большие суммы по оспариванию штрафов, то рано или поздно МАДИ подает руководству московской судебной системы некие списки с судьями, которые могли больших средств лишить московский бюджет. Потом они огребают на каких-то совещаниях, мероприятиях, но они все равно это делают. Это как кляуза, такой рейтинг, что судья Иванов отменил взысканий в бюджет на миллиард, а судья Петров на полмиллиарда. И понятно, что Иванову от этого должно стать страшно, что его начнут рассматривать как ангажированного, как в чем-то заинтересованного. В Москве нет единства между судьями полностью плясать под дудку органов власти. Есть те, кто отменяет эти огромные штрафы в отношении юрлиц по 300–500 тысяч из-за этих камер.

Я проработал пять лет, лично мне в комнату совещательную Ольга Егорова не звонила и я уверен никогда не позвонила бы, для этого есть другие механизмы. Утрировать тоже не надо. Начинается личная ответственность, когда по какому-то резонансному делу председатель позовет и скажет: ну вы же понимаете, что нашему суду не надо, чтобы вы наносили сокрушительный удар чему-то куда-то для чего-то. Некая динамика и некая позиция, конечно, председателем, если это практикуется, я думаю, проводится намного больше и чаще, чем оттуда с самого верха.

Судьи нового поколения

Более 80% кадрового состава судов Москвы — это люди, в основном, проработавшие пять и более лет секретарями и помощниками судей. Это своего рода воспроизводство судебной системы из самой себя. Когда говорят, что следовало бы запретить идти в судьи сотрудникам правоохранительных органов — я считаю, что мысль надумана, потому что их там уже практически нет. Ни из прокуроров, ни из полиции, ну очень мало.

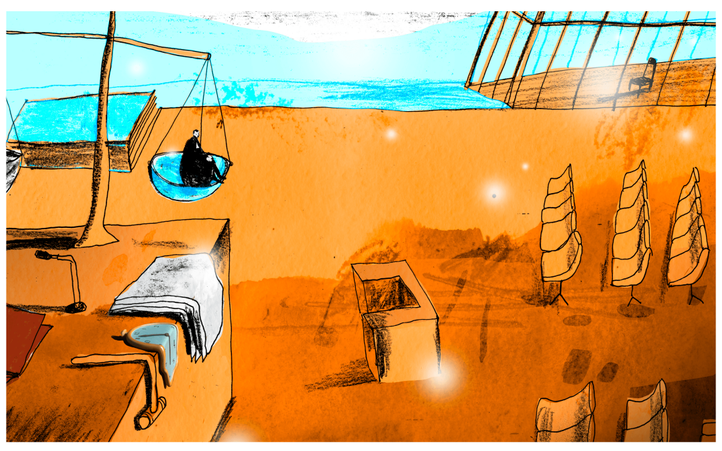

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Студент, закончивший институт или еще обучающийся по вечерней или заочной форме обучения, обычно идет работать в суд, заканчивает вуз, получает стаж работы пять лет на позиции помощника и секретаря и становится впоследствии судьей. В основном, вот таким способом приходят. На мой взгляд, это большой минус. Потому что, имея такой трудовой путь, они не знают и не понимают жизни бизнес-сообщества, они не понимают смежных сфер со своей деятельностью, из которых приходят все дела. То есть они видели мертвое дело на бумаге — что за ним стоит, какие потоки, какие интересы, какие движения людей и организаций?

> В исследовании Института проблем правоприменения о работе российских судей говорится, что в последние годы основными источниками кадров для судейского корпуса стали аппараты судов и прокуратура. «Они поставляют половину кадрового резерва судейской профессии», — сказано в работе. При этом в 1990-х годах и на протяжении почти всех 2000-х доля сотрудников аппарата составляла только около 20%. До этого — в конце 1990-х и начале 2000-х годов — большая доля судей приходила из правоохранительных органов, в первую очередь из следствия. Прокуратура, по заключению авторов исследования, всегда была «относительно стабильным источником кадров».

Хотя я считаю, объективно — молодое поколение помощников и секретарей, которые работают и будут приходить в судьи, они уже другие. Невозможно находиться в нашем информационном пространстве и оставаться безразличным. Другой вопрос — насколько они в себе чувствуют силы быть попринципиальнее. Я думаю, что это должен быть параллельный процесс. Должны приходить и люди не из аппарата, а свежая кровь из правозащитного и активного движения юристов.

«Ну а что я один, давайте все уволимся»

Вы знаете, за пять лет я понял, что даже когда я убиваюсь в ноль, я зачастую ничего не могу сделать, потому что законы так написаны, система так сложилась в соответствии с так написанными

законами. Я для себя принял решение, что, пока это все не изменится, это борьба с ветряными мельницами. Надо переходить к тому, чтобы общество добилось принятия и изменения законов на справедливые в интересах большинства.

Я хочу сказать, что я продолжал реализовывать свои профессиональные позиции, безотносительно мнения своего начальства. В трети или половине случаев мое мнение даже наперекор вот этой практике неправильной устаивало. Если это в трети случаев произошло, я уже счастлив. В трети случаев отменено, в трети случаев вынужденно приходилось соизмерять выносимое решение с практикой, которая сформировалась, усреднять и причесывать. Но все равно стараться причесывать в пользу людей.

Много чего можно сделать изменением законодательства. Надо изменить правила формирования квалификационных комиссий судей. Сейчас они состоят из чиновников на одну треть, судьи на одну треть и на одну треть из представителей гражданского общества — это общественные организации, научное сообщество, например, преподаватели институтов. Надо усилить участие общественности, чтобы меня как судью могли отстранять и снять с работы только, когда квалифколлегия с участием гражданского общества признает, что я допустил проступок. Не чиновники и бюрократы, состав которых полностью зачищен под управляемую ситуацию.

Можно установить лимиты поступления людей на эту службу из разных сфер, если мы просто ограничим судебный аппарат квотой в 20

процентов. Не лишним было бы голосование по кандидатурам судей на муниципальных выборах. Между прочим федеральный закон 1998 года о мировых судьях устанавливает, что они могут как назначаться парламентами субъектов федерации, так и избираться населением на прямых выборах муниципальных. И все начнет меняться.

Вы знаете иногда, когда я видел несправедливое взаимоотношение с судьями рядовыми, как их к чему-то подводят, я им говорил: может, нам как-то консолидировано выступить со своей позицией. Ну а что я один, давайте все уволимся, давайте все возьмем больничный, давайте все будем делать все по закону, как итальянская забастовка, когда вместо 10 тысяч дел в год мы будем делать все по регламенту и сможем сделать только 2 тысячи в год. Все же встанет, они же сами согласятся с тем, что мы имеем право на собственное мнение, просто потому что такого нонсенса, чтобы какой-то один из районных судов закрылся ввиду ухода всех сразу в знак протеста, [не было]. Многие мне говорили, что это безумие какое-то, мы ничего не добьемся. Но что интересно — потом они же очень быстро переставали работать под гнетом вот этой системы, даже будучи очень опытными.

Редактор: Дмитрий Ткачев